

Он собрал шайку головорезов и занял гору, объявив себя здесь хозяином. Они грабили народ, одновременно помогая Су Лану собирать сведения со всех концов Цзяннани, только не думал, что в этот раз всё раскроется.

Он отлично понимал, что слова Му Чанфэна о поимке почтового голубя — лишь отговорка. Настоящая правда, боялся он, в том, что всё это время Му Чанфэн держал нити управления в своих руках.

А это означало, что Му Чанфэн давно знал о деяниях Су Лана. Не говоря уже о том, накажет ли он Су Лана сейчас, но учитывая жестокие методы Му Чанфэна, он сам и эта крепость обречены.

Раз так, то лучше покончить с собой, чем терпеть пытки. Даже попав в ад, он хоть сохранит тело целым, а не переродится калекой.

Ясно, что Му Чанфэн не собирался исполнять его желание. Едва он попытался прикусить язык, как Му Чанфэн молниеносно ударил и заблокировал его акупунктурные точки. Затем он спокойно вернулся на место и большим пальцем правой руки стал неторопливо тереть мозоль на ладони. Это была его привычная манера, когда он злился. Появление такого жеста означало, что кому-то суждено было умереть.

— Как я могу позволить тебе умереть так легко, — с лучезарной улыбкой произнес Му Чанфэн, но слова его были беспощадны. — Я заставлю тебя страдать от травы «разрывающей кишки» и цветка «снимающего печаль».

Трава «разрывающая кишки» — как называется, так и действует: разрывает кишки. Яд начинает действовать в полночь, вызывая в желудке и кишечках жжение, словно огонь, и в такие миги хочется скорее умереть.

А цветок «снимающий печаль» как раз является противоядием от травы «разрывающей кишки». Если принять сначала траву, то цветок может снять токсин. Но если принять их одновременно, то сначала испытываешь мучения от разрыва кишок, затем наступает облегчение, но в следующий момент боль возвращается вновь. Так раз за разом, снова и снова, доводя до изнеможения.

По изрытому морщинами лицу Сюн Чжэнцина медленно скатилась слеза. Он благодаря Му Чанфэну взобрался на высокий пост в секте Цяньцзюэ, но в конце концов погиб именно от его рук.

Дуань Яньгэ попросил у императора войска, чтобы штурмовать гору Цзинфэн. Однако войска еще не подошли, когда пришло известие, что весь лагерь на горе Цзинфэн сожжен, и никто не уцелел.

Услышав эту весть, в уезде Мо все ликовали, народ радовался и праздновал. Дуань Яньгэ же посчитал это весьма подозрительным. Как огромный лагерь мог за одну ночь обратиться в пепел?

Жители говорили, что небожители спустились с небес и сожгли это логово зла. Но Дуань Яньгэ, придерживавшийся взглядов атеиста, понимал: это не небесный огонь, а дело рук человеческих.

Чтобы разобраться в случившемся, Дуань Яньгэ один верхом отправился к горе Цзинфэн. Кто бы мог подумать: только он подъехал к подножию, как увидел человека, который спустился с

горы, пошатываясь.

Вгляделся внимательнее: да это же Бай Юй.

Дуань Яньгэ тут же осадил коня перед Бай Юем. Тот выглядел не лучше, чем при их первой встрече. На некрасивом прежде лице теперь лежал слой пыли, скрывавший черты, одежда была обожжена и в лохмотьях, на коже виднелись царапины.

Увидев Дуань Яньгэ, глаза Бай Юя вспыхнули, но тотчас он без чувств откинулся назад.

Дуань Яньгэ отвез Бай Юя в гостиницу и послал Летящую Тень за лекарем.

Лекарь после осмотра сказал:

— Этот господин лишь слегка пострадал, ожогов нет, пару дней в покое — и всё пройдет. Проблема в лодыжке: она и раньше была вывихнута, да тут он долго пешком шел, теперь травма усугубилась, меньше чем за месяц не вылечить.

Дуань Яньгэ велел лекарю прописать средства для приема внутрь и наружного применения, а Летящую Тень отправил варить отвары. Сам остался в комнате, дожидаясь, когда Бай Юй очнется. У него было слишком много сомнений, которые нужно было прояснить с Бай Юем.

Когда Бай Юй снова открыл глаза, солнце уже клонилось к закату. Сидевший рядом и прихлебывавший чай Дуань Яньгэ произнес небрежно:

— Это ты поджег лагерь Цзинфэн, верно?

Бай Юй прикусил губу и наконец, почти с отчаянием, кивнул, потом медленно закрыл глаза:

— Я знаю, что совершил убийство. Если хочешь сдать меня властям, я не возражу.

Дуань Яньгэ покачал чайной чашкой:

— Ты избавил жителей уезда Мо от большой беды, став спасителем для десятков тысяч простых людей. Если я сдам тебя властям, боясь, что чиновники еще и наградят тебя деньгами.

Бай Юй резко открыл глаза, и в его ясном взгляде блеснула слабая искра:

— Правда?

Дуань Яньгэ, глядя на его выражение, не мог удержаться от улыбки. Этот господин, казалось, ко всему относился с безразличием, и такое детское поведение казалось novelty.

— Конечно, правда. Я также доложу об этом императору, пусть он дополнительно наградит тебя.

Дуань Яньгэ думал, что Бай Юй обрадуется еще больше, но лицо его изменилось, затем он опустил голову и промолчал.

— Что с тобой? — спросил Дуань Яньгэ, видя его состояние.

— Ничего, — медленно покачал головой Бай Юй. — Просто я снова подвел надежды отца.

Дуань Яньгэ понял. Весенние экзамены были на носу, отсюда до Чанъяня требовалось еще пять

дней пути, но нога Бай Юя зажила не сразу, и он не мог отправиться в путь немедленно, а значит, не мог участвовать в экзаменах. Эти экзамены, что проводились раз в три года, он упустил.

Дуань Яньгэ не мог не вздохнуть. В этом деле, даже если бы он был в самых близких отношениях с императором, он бы все равно не смог помочь Бай Юю.

— Не мог бы ты рассказать, что произошло после того, как ты ушел? — Дуань Яньгэ, видя печаль Бай Юя, перевел тему.

Бай Юй глубоко вздохнул, руки его слегка дрожали — видимо, страх еще не прошел:

— Вчера я проезжал мимо горы Цзинфэн и как раз наткнулся на того главаря разбойников, который привел людей громить павильон Цзюйюй. Тот узнал меня и сразу приказал окружить, связал и притащил в лагерь.

— Несколько главарей, услышав об этом, решили использовать меня, чтобы заставить тебя отказаться от мысли уничтожить лагерь Цзинфэн. А главный главарь еще и хотел надругаться надо мной.

— Вечером главарь привел меня к себе в комнату. Я, пользуясь тем, что он потерял бдительность, вонзил ему в левую грудь кинжал, что ты мне дал, а затем провел ножом по горлу. Не прошло и полчаса, как он испустил дух.

Дуань Яньгэ не мог не воскликнуть «хорошо». Бай Юй, хотя и был ученым, обладал храбростью и решимостью, не свойственными обычным людям.

— Когда он испустил дух, я опрокинул несколько горящих масляных ламп в комнате и взял у него много огнив. Люди в лагере, увидев пожар, побежали тушить, а я, воспользовавшись хаосом, сбежал и зажег несколько больших строений с помощью огнив. По воле неба в самом крайнем помещении я обнаружил порох.

При этих словах на лице Бай Юя даже появилось возбуждение:

— Я сразу схватил порох и бросил его в лагерь, затем поджег фитиль. Не думал, что фитиль горит так быстро: я не успел убежать подальше, как всё взорвалось. К счастью, я отделался лишь легкими ранами.

Дуань Яньгэ, выслушав весь рассказ, улыбнулся и больше ничего не сказал, лишь снова написал письмо и отправил голубем во дворец, чтобы император отозвал войска. Он подробно описал историю с тем, как перехватывали доклады уездного начальника: думал, император по своей мудрости поймет, с кем это связано.

Дуань Яньгэ был свободен, поэтому остался с Бай Юем в гостинице на несколько дней. Теперь, когда Бай Юю больше не нужно было ехать в столицу, Дуань Яньгэ пригласил его в Альянс Улинь Цзяннани. Весна стояла прекрасная, можно было посмотреть на достопримечательности, развеяться, что благотворно сказалось бы и на заживлении ноги. Бай Юй с радостью согласился.

Но только они выехали из уезда Мо, как Дуань Яньгэ получил срочное письмо от Альянса Улинь.

— Кровавый духовный нефрит похищен, — ответил Дуань Яньгэ на вопросительный взгляд Бай

Юя, но на лице его не было ни тени беспокойства. Стоило знать, что Кровавый духовный нефрит — величайшее сокровище Альянса Улинь: говорили, что с его помощью, в сочетании с определенными техниками, можно значительно увеличить силу. Дуань Яньгэ не выглядел встревоженным, и Бай Юй подумал, что тот, должно быть, уверен в успехе.

— Можешь догадаться, кто это сделал? — спросил Бай Юй.

— Нет, — ответил Дуань Яньгэ прямо, лицо его было непроницаемо. — Но то, что должно вернуться, вернется.

Альянс Улинь находился в Цзяннани; хотя голубиная почта была срочной, Дуань Яньгэ не спешил. Поэтому они задержались в нескольких известных уездах и добрались до Альянса Улинь только через месяц.

Автор хочет сказать: Чувствую, что этот рассказ остыл до Северного полюса, от холода глупого автора просто знобит. Ангелочки, не могли бы вы оставить пару комментариев, чтобы глупый автор почувствовал немного человеческого тепла? Смотрите мое искреннее личико.

<http://bllate.org/book/16678/1530257>